

ПРИЛОЖЕНИЕ

И.Д. Ковальченко

СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (Заметки о необходимости обновленных подходов)*

Введение

Разработка основных теоретико-методологических проблем, требующих новых подходов, – насущная задача отечественной исторической науки. При этом необходимо учитывать то философско-историческое наследие, которым располагают историки.

Как представляется, одной из черт, присущих огромному наследию по философии истории, является ярко выраженная претензия всех основных ее направлений на некую всеобщность и универсальность в понимании как основной сути общественно-исторического развития, так и ведущих принципов и методов его познания. Это прежде всего было присуще марксистской социологии, как одному из направлений философии истории. Стремление к универсализации своей значимости порождало необъективный подход к другим направлениям философско-исторической мысли и отодвигало на второй план синтез разных идей, либо такой синтез оказывался непоследовательным¹.

Между тем хорошо известно, что синтез теорий, подходов и методов и конкретно-научных концепций является органическим компонентом в развитии любой науки. Применительно же к историческому познанию и исторической науке современной эпохи теоретико-методологический синтез – непереносимое, безусловно необходимое условие преодоления того кризиса, в котором она оказалась в последние десятилетия. Этот кризис охватывает не только российскую, но и вообще мировую науку. Под кризисом мы имеем в виду в данном случае не застой или упадок в ее развитии (как это чаще трактуется), а такую поляризацию теоретико-методологических взглядов и подходов, а следовательно, и конкретно-исторических концепций, которая во многих аспектах разрывает единство коренной сущности исторического познания.

* Публикуется по: Исторические записки: Теоретические и методологические проблемы исторических исследований. М., 1995. Вып. 1 (119).

¹ В развитии мировой исторической науки в XX в. тенденция к синтезу наиболее ярко проявилась во французской школе “Анналов”. См.: Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа “Анналов”.

Единство же этого познания как познания научного состоит в том, что при всех различиях в теоретико-методологических основах изучения прошлого это изучение в той или иной мере направлено на получение истинных знаний, адекватно отражающих как различные стороны общественно-исторического развития, так и его общий ход. Это обусловлено объективной потребностью общества в получении истинных знаний, ибо без них нельзя успешно решать задачи, выдвигаемые современностью.

Обретение же истинных знаний не только необходимо, но и возможно. Но для этого “исследование истины само должно быть истинным”².

Основным обстоятельством, обострившим в XX в., особенно во второй его половине, указанную поляризацию в развитии исторической науки, была все усиливавшаяся идеологизация и политизация исторического познания. В той или иной мере они имели место всегда. Но в СССР естественная полемика представителей марксизма и других направлений социологической и исторической мысли, имевшая место в прошлом, приобрела иной характер. Марксизм стал официальной государственной идеологией и был не только абсолютизирован как единственная научная теория, с одной стороны, но и предельно догматизирован и примитивизирован, с другой. Тем самым практически была исключена возможность сколько-нибудь широкой творческой разработки социологической теории марксизма с учетом общего хода развития философии истории. Более того, попытки такого развития квалифицировались как политические ошибки и нередко сопровождались разного рода репрессиями. В силу этого изучение многих областей общественно-исторического развития в той или иной мере утрачивало научность. Особенно пострадало изучение истории партии и советского периода, а также ряда областей новой и новейшей истории.

Но терпела ущерб не только советская, но и мировая историческая наука. Обособление одной ее части неизбежно толкало к крайностям и немарксистские направления, что также замедляло и искажало развитие исторического познания. В условиях длительной холодной войны возник и углублялся кризис мировой историографии. Историческое познание как единая в своей главной сути целостность в очень большой мере распалась. Разумеется, это никоим образом не означало общего упадка, хотя общественная значимость исторической науки, несомненно, снизилась. Но во многих конкретных областях исторических исследований не только в зарубежной, но и советской историографии были достигнуты значительные конкретно-научные успехи.

В настоящее время сложились в целом благоприятные условия для преодоления кризиса исторической науки как в нашей стране, так и в мировой науке в целом. Прекращение холодной войны сни-

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. I. С. 7.

мает неизбежность политизации и поляризации в подходах к изучению прошлого, хотя и не устраняет их целиком, ибо в мире сохраняются разные системы общественных отношений и связанные с ними социальные противоречия. В то же время само развитие исторической мысли и исторической науки подошло к такому рубежу, когда их дальнейший прогресс требует преодоления имевшего место противостояния и поиска путей к синтезу различных философско-исторических и концептуальных подходов и построений³.

Успехи теоретико-методологического синтеза и приложение его результатов к выработке новых общих и частных концепций исторического развития зависят во многом от подхода к общему философско-историческому и конкретному теоретико-методологическому познавательному арсеналу, которым располагают историки. Этот подход должен быть объективным и историчным.

Во-первых, следует напрочь исключить какие бы то ни было претензии на возможность создания неких универсальных и абсолютных теорий и методов исторического познания. Это обусловлено неисчерпаемостью черт и свойств общественно-исторического развития, что делает невозможным выработку каких бы то ни было всеохватывающих теорий.

Во-вторых, следует учитывать, что любая научная теория, т.е. теория, основанная на анализе и обобщении исторической действительности, а не на априорных конструкциях и отрывочных фактах, содержит то или иное рациональное зерно и тем самым вносит определенный вклад в развитие общественно-научной мысли. Например, в марксизме такой непреходящей ценностью было соединение материализма с диалектикой и распространение такого подхода на изучение истории. Это позволяет углубить познание целого рода аспектов исторического развития. Вместе с тем и любой метод научного познания для чего-нибудь да хорош.

Учет и использование в исследовательской практике всего того в теории и методологии обществознания, что позволяет расширить и углубить, т.е. более адекватно отразить суть явлений и процессов объективной исторической реальности, и выражает переход от догматического гносеологического монизма (в любых его проявлениях) к познавательному плюрализму. Именно в этом состоит суть научного плюрализма, а не в абсолютизации права ученого трактовать ход того же исторического развития по своему субъективному представлению, как нередко утверждалось и утверждается в настоящее время в связи с поисками новых подходов в познании прошлого.

В-третьих, любая философско-историческая теория позволяет выработать ту или иную концепцию исторического развития, которая всегда исторична, т.е. в большей или меньшей мере ограничена. Иначе говоря, характеристика сущности тех или иных обществен-

³ См.: Проблемы методологии истории // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 3–28.

ных отношений на основе той или иной теории всегда справедлива лишь в определенных исторических границах. Так, марксистская характеристика капитализма справедлива лишь для стихийного капитализма эпохи свободной рыночной экономики, т.е. для XIX – первой трети XX в. Следовательно, несостоятельны и распространение этих характеристик на капитализм второй половины XX века, и упреки в адрес марксизма и даже его отвержение за то, что он не сумел предвидеть того, что капитализм вместо гибели оказался способным существенно трансформироваться. Те или иные теории, идеи и концепции надо оценивать, как известно, не по тому, чего они не дали сравнительно с современностью, а по тому, что они дали нового сравнительно с предшествующей им эпохой.

Наконец, в-четвертых, любой социологической теории и конкретно-исторической концепции изначально присущи и определенные ошибки и просчеты. В марксизме, например, такой ошибкой был тезис об абсолютном обнищании рабочего класса по мере развития капитализма.

Таким образом, задача историков, как и других обществоведов, состоит в том, чтобы на основании тщательного анализа выделить из всей совокупности имеющихся философско-исторических теорий и подходов все то, что позволяет расширить и углубить изучение и мирового, и российского исторического процесса. Нужен синтез идей и методов, а не механическое отбрасывание одних из них (что сейчас наиболее активно проявляется по отношению к марксизму) и замена их другими (чаще всего субъективно-идеалистическими).

Круг теоретико-методологических проблем, так или иначе фигурирующих в любом историческом исследовании (вообще в любом научном исследовании), весьма обширен. При этом разделение их на теоретические и методологические в большой мере является относительным. Говоря упрощенно, различие между ними состоит в следующем. Теория на любых ее уровнях (от конкретно-событийного до философски-исторического) представляет собой совокупность рационалистических идей, исходя из которых характеризуется и объясняется основная сущность изучаемого объекта познания (как в его целостности, так и применительно к отдельным составляющим его компонентам). Методология же – это совокупность основополагающих подходов и принципов (т.е. тех же идей) изучения объекта познания, на основе которых вырабатываются или избираются конкретные методы исследования, включающие в себя кроме этих принципов и подходов еще и определенные правила и процедуры его проведения (методики исследования) и соответствующие материальные и духовные орудия и инструменты (техника исследования). В общем теория и методология научного исследования тесно переплетены. Поэтому в дальнейшем изложении автор статьи ставит своей задачей не их последовательное разграничение, а показ их взаимосвязи, точнее говоря, обусловленность основных принципов

исторических исследований сутью и особенностями объективной исторической реальности. Разумеется, понимание сути объекта исторического познания и основных подходов в его исследовании – важнейшая, но лишь одна из теоретико-методологических проблем исторических исследований, которые требуют обновления и углубления в их постановке, разработке и применении в исследовательской практике. Цель настоящей статьи – привлечь внимание историков к необходимости систематического внимания к вопросам теории и методологии исторических исследований на основе синтеза накопленных в этой сфере как общих идей и подходов, так и конкретных трактовок отдельных проблем⁴.

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Как известно, центральной проблемой в любой философско-исторической концепции является понимание сути объекта познания, т.е. основных свойств исторической действительности. Непрекращающиеся споры по связанному с этим пониманием обширному кругу проблем хорошо известны, и их рассмотрению посвящена обширная исследовательская литература⁵. Отметим здесь лишь те из этих проблем, корректировка которых необходима для выработки новых подходов к изучению прошлого.

Очевидно, что история есть не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека. Поэтому во всех своих многообразных проявлениях общественно-историческое развитие является субъективным. Здесь, говоря словами Энгельса, “действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели”⁶.

Поэтому при изучении общественно-исторического развития во всех его проявлениях в центре внимания должен быть *человек*. Теоретически это общепризнанно. В практике же исторических исследований человек не только как индивидуальный, но как социальный субъект нередко отодвигается на второй план и даже вообще исчезает.

Деятельность людей связана с отношениями между ними, всегда протекает при определенной системе этих отношений. Деятель-

⁴ В более широком плане сравнительно с настоящей статьей представления автора о теории, методологии и конкретных методах исторических исследований изложены в его работах “Методы исторического исследования” (М., 1987), “Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах” (Новая и новейшая история. 1995. № 1).

⁵ Из работ последнего времени сжатый обзор различных общих подходов дан в книге: Губман Б.Л. Смысл истории. Очерки современных западных концепций. М., 1991.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 306.

ность и отношения представляют собой органически взаимосвязанную коренную субстанцию общественно-исторического развития.

Очевидно, что степень гармоничности деятельности и отношений является существенным критерием для оценки сущности и прогрессивности как того или иного общественного строя в целом, так и многих конкретных процессов и явлений.

Выявление степени скоррелированности деятельности и отношений должно постоянно быть в центре внимания историков.

Однако, несмотря на то что люди сами делают свою историю, они не могут делать ее как им вздумается, и при всей субъективности она вместе с тем является объективным и закономерным процессом. Это признается далеко не всеми теоретиками исторического познания. Соотношение объективного и субъективного в истории, как известно, имеет множество толкований и непрерывно дебатруется. В данном случае представляется целесообразным, с одной стороны, напомнить те факторы, которые обуславливают объективный характер исторического развития, и с другой – обратить внимание на неправомочность противопоставления субъективного и объективного, на их взаимосвязь и взаимопереходы.

Прежде всего, деятельность тех или иных поколений людей протекает при обстоятельствах, которые созданы не ими самими, а даны им и перешли из прошлого. Любое поколение может радикально изменить существующие общественные отношения. Но действовать оно может, только опираясь на историческое наследие, на тот материальный и духовный потенциал, который достался им от предшествующих эпох. Это, естественно, ограничивает возможности для субъективной деятельности людей и ставит перед ними задачу адекватной оценки исторического наследия и его рационального использования в своей деятельности. Историки же должны показать, что представляло собой это наследие и насколько оно эффективно использовалось. К сожалению, историки далеко не всегда ставят перед собой такую задачу.

Далее, органической чертой общественно-исторического развития является объективизация результатов субъективной человеческой деятельности, ибо все, что совершено, независимо от временной дистанции по отношению к вновь предпринимаемому, является объективным по отношению к нему. При этом соотношение объективного и субъективного часто бывает неоднозначным, т.е. действительность в одном отношении может быть субъективной, а в другом – объективной. Например, различные формы социального протеста (крестьянское и рабочее движение и т.п.) являются субъективной деятельностью его участников, но они – объективная реальность для других слоев общества и властных структур.

Наконец, чрезвычайное разнообразие и сложность функционирования общественного организма делает затруднительным, а нередко и невозможным прогнозирование результатов той или иной

деятельности. Более того, порой может быть и так, что полученный результат является таким, к которому никто не стремился и которого никто не хотел. Следовательно, и в этом плане субъективная деятельность приводит к объективным, независимым от действующих субъектов результатам. В этой связи при изучении многих событий прошлого стоит задача выявления исторической обоснованности принимаемых современниками решений и проводимых на их основе действий.

Таким образом, в историческом развитии имеет место органическое сочетание субъективного и объективного. Но и в исторической мысли и в исторических исследованиях это обстоятельство часто игнорируется. Крайние подходы, как известно, характеризуются противопоставлением объективного и субъективного и сведением основной сути и проявлений общественно-исторического развития либо к одному, либо к другому. Это нашло свое отражение и в поляризации исследовательской проблематики.

Сторонники марксистской философии истории, которая акцентирует внимание на объективном в историческом развитии, концентрировали исследования на изучении объективного и закономерного и в силу этого прежде всего массового. В своем предельном выражении это вело к обезличиванию истории. Субъективное же трактовалось главным образом в плане простого отражения объективного и закономерного. Отсюда акцент на освещении социально осознанного, революционного и радикального.

Приверженцы же определяющей роли субъективного сосредотачиваются на показе индивидуального и неповторимого, случайного и стихийного, эволюционного и традиционного. Налицо в обоих случаях ограничение объекта исторического познания, поляризация взглядов на него. Очевидна необходимость преодоления и фатализации хода исторического развития и его хаотической индивидуализации. При этом следует подчеркнуть, что если подобная объективизация исторического развития ведет к отрицанию возможности научного познания прошлого, то абсолютизация объективно-закономерного фактически выносит основные движущие силы общественного развития за пределы человеческой деятельности, делает общество “заложником” этих сил. Это в равной мере относится и к материалистическому и объективно-идеалистическому подходу к истории.

Абсолютизация главенствующей роли в истории экономического базиса сторонниками марксизма и определяющей роли трансцендентного разума, духовного Абсолюта или божественного начала в объективно-идеалистических и религиозных направлениях философии истории отрывают главное в истории, субъективную человеческую деятельность, от внутренних движущих сил общественного развития. Да, в этом развитии есть объективные закономерности, с которыми вынуждены считаться люди. Но эти закономерности по-

рождаются деятельностью и отношениями самих субъектов исторического развития. Поэтому важнейшей задачей историков является конкретный показ не только того, как воздействовали на ход исторического развития те или иные объективные общественные закономерности и факторы, но и того, как деятельность и отношения людей создавали их и как они учитывались в их деятельности. Именно в этом состоит ценность исторического опыта.

Новые поколения не могут осуществлять свою деятельность по образцам аналогичных событий в прошлом, ибо они действуют в иных исторических условиях. Но они могут и должны использовать их опыт восприятия исторической реальности и учета ее при принятии решений и определении целей и методов достижения тех или иных результатов. Это, как очевидно, будет содействовать успешному решению современных задач. К сожалению, историки часто не уделяют должного внимания обобщению исторического опыта, а практики (т.е. политики разных уровней) далеко не всегда его учитывают.

Так, проводимые в настоящее время в нашей стране преобразования в области экономики направлены, как утверждается, на переход от централистски-плановой к свободной рыночной экономике. Предполагается, что рынок через свои механизмы приведет к эффективному функционированию производства, а следовательно, и ко всеобщему повышению жизненного уровня. Основным элементом рыночных механизмов, воздействующих на производство, представляются цены. Исходя из этого, переход к рыночным отношениям начался у нас с либерализации цен. Однако это пока не дало положительного результата в развитии общественного производства. Наоборот, идет его стремительное всеобщее падение. Думается, что одной из причин этого являются ограниченные представления о рынке и процессе его формирования. Это обусловлено игнорированием исторического опыта, связанного со складыванием рынка как в нашей стране, так и в других странах.

Этот опыт, во-первых, показывает, что формирование единого национально-государственного рынка – это сложный и длительный процесс, связанный с многогранной деятельностью производителей и потребителей товаров. Поэтому рынок как регулятор общественного производства не может быть создан форсированными усилиями правящих структур, какими бы решительными эти усилия ни были.

Во-вторых, деятельность по формированию рынка должна быть последовательной и основанной на учете внутренней сути этого процесса и условий, необходимых для успешного его протекания. Да, цена – основное орудие рынка. Но движения и колебания цен могут воздействовать на производство только при наличии определенных условий. Главным и неперемнным из них являются ограниченность монополизма и наличие конкуренции, свобода и равенство всех форм производства и собственности. При этом основой ценооб-

разования становится закон стоимости (т.е. общественно необходимые затраты на производство товаров определенного вида) и складывается средняя норма прибыли. Соотношение и колебания спроса и предложения определяют при этом лишь временные отклонения цен от их стоимости, но не являются основой ценообразования.

Соотношение спроса и предложения регулирует цены не на рынке, воздействующем на производство, а на рынке, который является лишь аренной простой купли-продажи товаров. Здесь товары фигурируют как таковые, а не как продукты определенных условий производства и присущих ему издержек, лежащих в основе ценообразования. Это – рынок низших стадий первоначального накопления.

Очевидно, что складывание указанных условий и механизма функционирования рынка как регулятора производства связано с длительной практической производственной деятельностью всех категорий товаропроизводителей и целенаправленной политикой государства.

Такова самая общая и предельно упрощенная схема формирования рынка⁷. Но из нее очевидно, что у нас предпринимаются попытки перехода к рыночной экономике без создания необходимых для этого условий. Отсюда имеющиеся неурядицы и громадные потери. Приведенный пример наглядно показывает необходимость для историков конкретного рассмотрения того, как соотносится субъективная человеческая деятельность с объективной исторической реальностью.

* * *

Фундаментальным проявлением того, что люди сами творят историю, является возможность выбора ими целей своей деятельности и путей и методов их достижения. Возможность выбора существует в любой деятельности человека. Но в данном случае имеется в виду не личностный или узкогрупповой выбор, а выбор, оказывающий существенное влияние на общественное развитие в целом⁸.

⁷ Конкретно-исторический процесс формирования национальных и международных аграрных рынков рассматривается в работах: *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Все-российский аграрный рынок XVIII–начало XX в. М., 1974; *Малов В.Н.* К вопросу о складывании единого хлебного рынка во Франции в XVIII–XIX веках // Французский ежегодник. 1979. М., 1981; *Измestьева Т.Ф.* Россия в системе Европейского рынка. М., 1991, и другие.

⁸ Проблемам выбора и альтернативности в историческом развитии посвящена, как известно, обширная литература. Из советских историков на возникающие здесь теоретико-методологические проблемы одним из первых обратил внимание А.Я. Гуревич (см., например, его работу “Об исторической закономерности” // Философские проблемы исторической науки. М., 1969). Из работ последнего времени о проблемах выбора в историческом развитии следует отметить, хотя и не бесспорную, книгу академика П.В. Волобуева “Выбор путей общественного развития: теория, история, современность” (М., 1987.) См. также: *Могилянский Б.Г.* Историческая альтернативность: Методологический аспект // Новая и новейшая история. 1990. № 3.

Любой выбор, как явление субъективное, может быть и верным и ошибочным. Очевидно, чтобы субъективный выбор оказывал конструктивное воздействие на реальный ход общественного развития, он должен допускаться той объективной исторической действительностью, в которой он осуществляется, а потому и соотносится с ней.

Историческая реальность, в том виде как она совершилась, является инвариантной, т.е. однозначной. Но эта инвариантность часто была результатом реализации одной из поливариантных возможностей, заключенных в предшествующей этой реальности действительности. *Возможность* – это объективное свойство текущей действительности, это – присущие ей черты и тенденции, которые создают предпосылки, образуют основу для последующего развития. *Возможность* – это потенциальная, грядущая действительность, а реальная действительность – это реализованная, осуществленная возможность.

Текущая реальность может содержать одну либо несколько возможностей для перехода в новое состояние, для превращения в будущую реальность. В первом случае такой переход будет инвариантным, однозначно-закономерным, а во втором – вероятностно-закономерным, т.е. альтернативным. Следовательно, объективно альтернативной является такая историческая ситуация, которая допускает возможность существенно отличных вариантов перехода к будущему.

Наличие в той или иной исторической реальности различных возможностей для последующего развития обусловлено чрезвычайным многообразием естественных и общественных условий этого развития у народов и стран. Это порождает разнообразие и форм, выражающих одно и то же в его основной сущности содержание, и методов достижения одной и той же цели.

Можно привести множество тому примеров. Так, господство ручного труда, выражающее основную черту производительных сил на определенном этапе их развития, выступало в форме первобытно-общинных, рабовладельческих и феодальных производственных отношений. Буржуазный по своей социальной сущности политический строй имел формы, варьировавшиеся в пределах от развитой демократии до фашистской диктатуры.

Однако наличие в исторической реальности различных возможностей для последующего развития создает лишь объективные предпосылки для исторической альтернативы, но не саму альтернативу как общественную реальность. Реальные исторические альтернативы имеют место лишь тогда, когда наряду с наличием различных *объективных возможностей* есть *общественные силы*, которые воспринимают эти возможности и осознанно или стихийно ведут борьбу за претворение в жизнь тех или иных из них. В то же время реальной альтернативы нет и тогда, когда те или иные обще-

ственные силы выдвигают идею об иных путях развития и пытаются реализовать намеченный путь в условиях, когда отсутствуют объективные возможности для этого. В подобных ситуациях борьба за реализацию избранного пути имеет характер не борьбы за претворение в жизнь исторически реальных возможностей, а является попыткой превращения в действительность утопии. Но такие попытки, какими бы привлекательными они ни казались с позиций тех или иных интересов и какая широкая и активная деятельность ни была бы развернута по достижению утопической цели, всегда, как хорошо известно, были безуспешными.

Наиболее масштабными примерами тому в отечественной истории была борьба революционных народников за переход России к социализму, минуя капитализм, и попытки форсированного построения развитого социализма после ликвидации новой экономической политики.

При борьбе разных альтернатив, как очевидно, побеждает та из них, на стороне которой оказывается перевес общественных сил, борющихся за ее реализацию.

Таким образом, органическое единство в общественно-историческом развитии объективного и субъективного находит свое конкретное выражение в сложном переплетении действительного и возможного, неизбежного и вероятного, закономерного и случайного. Все это хорошо известно, и напоминать об этом в данном случае приходится для привлечения внимания историков к необходимости более пристального конкретного изучения того, насколько современники в своей деятельности адекватно воспринимали историческую реальность, в какой мере был исторически обоснованным выбор ими тех или иных целей и методов их достижения, каковы были и общие принципы и практические механизмы принятия решений и их реализации, как все это воздействовало на ход общественного развития.

Познание прошлого имеет две тесно взаимосвязанные задачи. Во-первых, это показ того, “как это было” в его инвариантности. Во-вторых, это объяснение того, “почему было так, а не иначе”. Здесь требуется учет наличия объективных поливариантных, альтернативных возможностей и обоснованности субъективного выбора целей, путей и методов деятельности. Тем самым не только будет углубляться познание прошлого, но и обобщаться исторический опыт. Историки должны и могут увеличить свой вклад в решение указанных задач. При этом анализ и альтернативных исторических ситуаций, и принятых решений, и путей, и методов деятельности, и самой этой деятельности для истории имеет своей главной задачей объяснение того, *что было и почему было так, а не иначе*, а не то, чтобы сожалеть о том, что история протекала не так, как нам бы хотелось, или рисовать иллюзорные картины – что было бы, если бы... В этой связи уместно напомнить, что Г.В. Плеханов, критикуя

теорию Н.К. Михайловского об историческом прогрессе, подчеркивал, что Михайловский показывает, не как шла история, а как она должна была бы идти, чтобы заслужить одобрение господина Михайловского⁹.

Понятно, что современники с разной адекватностью воспринимали реальность своей эпохи, могли увидеть или не увидеть заключенные в ней те или иные возможности, верно или неверно их оценить, сделать в этой связи правильный или ошибочный выбор и т.д. Задача историка состоит в том, чтобы выявить причины этого и на этой основе более глубоко объяснить то, что произошло, а не просто делить современников на хороших и плохих, осуждать одних и восхвалять других, менять одни оценки прошлого на другие. К сожалению, современная эпоха характеризуется широким распространением в отношении к прошлому (особенно к советской эпохе) субъективизма, антиисторичности и односторонности.

* * *

Следующий круг теоретико-методологических проблем связан с пониманием и трактовкой основных факторов и побудительных мотивов человеческой деятельности, т.е. движущих сил исторического развития.

Очевидно и общепризнанно, что естественным и вечным условием человеческого бытия является труд. Однако сторонники материалистического, прежде всего марксистского, подхода к истории нередко сводят трудовую деятельность к материальному производству. Подобная односторонность несостоятельна, ибо любая деятельность людей, а именно она и составляет содержание истории, требует затраты определенных энергетических, т.е. трудовых усилий, которые выражаются в органически взаимосвязанных материальном и духовном производствах. Это никоим образом не противоречит материалистическому пониманию истории. Суть этого понимания в самом общем плане, как представляется, означает лишь признание, во-первых, объективности исторической реальности, т.е. независимости ее существования от познающего субъекта, и, во-вторых, первичности бытия и вторичности сознания как в том общем смысле, что удовлетворение естественных потребностей жизнедеятельности первично по отношению к сознанию, так и в том особом плане, что деятельность людей как исторических субъектов предшествует ее сознанию. Противоположный вульгарно-материалистическому подход, как известно, состоит в том, что первооснова человеческой деятельности усматривается (в разных вариантах) в духовной сфере, сводится в конечном счете к “мыслительной истории”. В своих предельных выражениях такой подход ведет к отрица-

⁹ Плеханов Г.В. Избранные философские труды. Т. I. М., 1956. С. 563.

нию возможности объективного познания прошлого, ибо акты “мыслительной истории” индивидуальны и неповторимы и якобы чаще всего не зафиксированы в источниках. Такова другая крайность. Она также требует устранения.

Путь к преодолению односторонностей указанных противоположных подходов – синтез того рационального, что они содержат. Основой для такого синтеза является органическое сочетание в реальной действительности бытия и сознания, материального и духовного. Да, в этом сочетании материальное первично, ибо без обеспечения естественно-материальных основ жизнедеятельности невозможна никакая духовная деятельность. Но вместе с тем материальное производство и его первооснова, а именно то, что в марксизме получило название производительных сил, не существует как нечто не связанное с духовной деятельностью. Как подчеркивал Энгельс, “все, что приводит людей в движение, должно пройти через их голову, оформиться в виде определенных идей и целей”¹⁰.

В предельном обобщении можно утверждать, что в реальном ходе исторического развития первопричиной, ведущей движущей силой конкретных исторических явлений и процессов (любых временных и пространственных масштабов) могли быть какие угодно проявления общественной жизни (как, впрочем, и естественного мира) от самых глубинно-базисных и до самых высших надстроечных. И это хорошо известно любому историку по опыту конкретных исследований.

В этой связи требует уточнения еще один теоретико-методологический вопрос – о монизме и плюрализме. В их трактовке также идет давняя дискуссия и отчетливо обнаруживаются два крайних подхода. Один из них исходит из признания господства в исторической реальности и в историческом познании монизма (в марксистской философии истории материалистического монизма). Другой акцентирует внимание на доминировании плюрализма. В действительности же в историческом развитии взаимодействуют факторы и “монистические” и “плюралистические” по своей природе.

Тем конкретным фактором человеческой деятельности, который составляет ее всеобщую основу, выступает как коренная движущая сила исторического развития, синтезирующая в себе и объективное и субъективное, и материальное и духовное, являются *потребности* людей. Потребность, материальная или духовная, порождает определенный интерес. Последний же выступает как реальный стимул к деятельности, побуждающий ставить определенные цели и формулировать идеалы, вырабатывать и выбирать принципы, пути и методы решения поставленных задач, достижения соответствующих целей и идеалов¹¹. Следовательно, *потребности* как

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 308.

¹¹ См.: Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986.

исходное и всеобщее начало всей человеческой деятельности *монистичны*. Но основополагающая (“монистическая”) роль потребностей сочетается с многообразием (“плюрализмом”) и самих потребностей, и тех факторов, которые обуславливали их формирование, и тех форм, в которых эти потребности выражались.

Так, многие потребности, обретшие характер ментальности, оказывавшие и оказывающие до сих пор существенное влияние на ход исторического развития, возникали под воздействием особенностей природно-географической среды, что не всегда учитывается историками. Так, например, в России¹² обширность территории, ее равнинный и континентальный характер, низкая плотность населения, неблагоприятные на большей части страны почвенные и климатические условия и т.д. порождали выработку у населения таких черт характера, как терпение и умение переносить трудности, неторопливость, взаимопомощь и коллективизм, и других. Отсюда же объективная потребность в сильной государственной власти и, как следствие этого, широкое распространение веры в “верхи”, “царистских иллюзий”, надежд на “хорошего царя” и “доброго барина”.

Таким образом, источники формирования потребностей были и остаются весьма многообразными. Многообразен и сам характер потребностей. Он варьируется в широких пределах от потребностей и интересов отдельных личностей через потребности различных малых и больших общественных групп (социальных, национальных, профессиональных и т.д.) до потребностей, присущих человечеству в целом.

Имманентным свойством человеческих потребностей является их непрерывный рост. “Сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям”¹³. Удовлетворение потребностей определяется теми возможностями, которыми располагает общество. И в этом плане потребности – явление объективное. Но характер и уровень потребностей не есть простое следствие существующих возможностей. Присущее человеку как сознательному существу стремление к улучшению своего положения, к саморазвитию, к познанию неизведанного и овладению им *обуславливает непрерывный рост потребностей, который опережает возможности их удовлетворения*. Это глобальное противоречие и необходимость его разрешения и выступает как всеобщая и универсальная движущая сила общественно-исторического прогресса, ибо удовлетворять растущие потребности можно только путем активизации человеческой деятельности и повышения ее эффективности.

¹² См.: Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4–5.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 27.

Всеобщность противоречия между ростом потребностей и возможностью их удовлетворения выражает монистический характер основополагающей движущей силы исторического развития. Само же содержание и масштабность конкретных противоречий чрезвычайно многообразны, плюралистичны. Видное, а можно сказать и важнейшее, место среди них занимают и противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Именно в нем советские историки (и обществоведы вообще) усматривали основополагающую базисную движущую силу исторического развития. Так это нередко и было. Но при всей своей значимости она не обладала той абсолютностью, которую ей приписывали. Противоречия между развитием производительных сил и производственными отношениями – это важное, но лишь частичное проявление общего противоречия между опережающим ростом потребностей сравнительно с возможностями их удовлетворения.

Таким образом, необходим более широкий и комплексный подход к проблеме движущих сил исторического развития.

СООТНОШЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО, СОЦИАЛЬНОГО И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

Многообразие человеческих потребностей и видов деятельности, направленных на их удовлетворение, естественно, требовало и требует той или иной их систематизации и в зависимости от этого выработки основных методологических принципов и подходов в изучении прошлого. Этому всегда уделяли пристальное внимание и специалисты в области философии истории и сами историки. Отметим в данном случае некоторые из возникающих здесь вопросов.

В самом общем плане все многообразие потребностей и видов человеческой деятельности, как известно, сводится к индивидуальному, социальному и общечеловеческому, а соответствующие основные принципы изучения – к индивидуально-психологическому, социальному и общечеловеческому. При этом в советской (и вообще марксистской) историографии ведущим считался социально-классовый, иначе говоря, партийный подход. Исходя из того, что индивидуальное всегда связано с социальным, считалось неслучайным и главным свести все индивидуальное к социальному. При этом социально-экономические противоречия представлялись определяющими, а классовая борьба рассматривалась как ведущая движущая сила исторического развития. Как следствие – изучение индивидуального обеднялось и его роль в общественном развитии недооценивалась.

Что же касается общечеловеческого в истории и соответствующего подхода к ней, то этому вообще не уделялось должного внимания, ибо подобный подход в принципе рассматривался как объективистский. Из-за этого пострадало изучение многих явлений и про-

цессов и прежде всего истории государства и его институтов. Все типы досоветской государственности фактически характеризовались как антинародные и стоящие почти исключительно на защите интересов господствующих экономических классов. Тот же факт, что государство в большей или меньшей степени выступает как выразитель и защитник всеобщих, в том числе и народных, интересов, как правило, не раскрывался (исключая борьбу с иноземными вторжениями). Совершенно необоснованно имел место полный отрыв истории советского государства от других его форм.

В последние годы указанные односторонности стали преодолеваться. Однако в этом положительном процессе обозначилось упрощение. Оно состоит в том, что социально-классовый подход просто стремятся заменить общечеловеческим.

Очевидно, что указанное стремление так же несостоятельно, как и абсолютизация социально-классового подхода. Задача же в действительности состоит в том, чтобы, отказавшись от крайностей, перейти к интегральному пониманию соотношения индивидуального, социального и общечеловеческого и в самом общественно-политическом развитии, и в его изучении.

И здесь предстоит решать ряд трудных проблем, ибо речь идет о раскрытии деятельности человека в истории в ее индивидуальной, групповой, массовой и общечеловеческой формах, о взаимоотношениях с властью, ее институтами и лидерами, во взаимосвязи стихийного, сознательного и т.д.

Взять, например, индивидуальное. Суть его нередко упрощается, а значение должным образом не раскрывается. Думается, что характеристика той или иной личности едва ли может исчерпываться традиционным набором биографических характеристик (происхождение и окружение, воспитание и образование, служебная деятельность и т.п.) и раскрытием общественно-социальной позиции, которая и служит основой для оценки воззрений и деятельности той или иной личности. При этом ускользает тот важнейший факт, что сама общественно-социальная позиция, ее выбор и проведение определялись именно личностно-индивидуальными чертами человека. И чтобы понять индивидуальные мотивы той или иной позиции личности, недостаточно традиционных характеристик. Требуется выявление специфики мышления и нравственно-психологического облика человека, обуславливавших восприятие действительности и определявших воззрения и деятельность личности. Без такого анализа невозможно, например, показать, почему сын бывшего крепостного крестьянина известный историк профессор М.П. Погодин был последовательным сторонником и защитником охранительно-самодержавной теории официальной народности, а аристократ А.И. Герцен – демократом. Анализ индивидуального требует индивидуально-антропологического подхода и соответствующих методов, в том числе связанных с изучением искусственного интеллекта. Все это –

комплексная человековедческая задача. Она еще только ставится в российской историографии и для основной массы историков еще остается неосознанной.

Разумеется, всестороннее раскрытие роли индивидуального никоим образом не означает принижение роли социального в формировании личности и воздействии на ее деятельность. Избрав социальные ориентиры и определив свою гражданскую позицию, личность как бы “открывает” себя для восприятия социального, а следовательно, для ее мощного воздействия на развитие соответствующих воззрений и деятельности.

* * *

Весьма сложна и проблема социального в истории. Она далеко не сводится к вопросам социально-экономического характера как чаще всего трактуется. Фактически социальное охватывает все сферы человеческой деятельности. Социальное – это все проявления общественного. Поэтому, сводя индивидуальное к социальному, неправомерно искать в индивидуальном лишь социально-экономическое, как чаще всего делается, да еще к тому же в однозначном его варианте, а при отсутствии такой однозначности трактовать позиции того или иного деятеля как непоследовательные, непринципиальные и т.п.

В этой связи следует обратить внимание на необходимость выделения в сложном процессе идейно-теоретической и практически-политической деятельности ряда взаимосвязанных уровней, или этапов.

Первый из них состоит в выработке совокупности идей, выражающих тот или иной взгляд на те или иные явления и проблемы исторического развития. Этим занимается обычно очень узкий круг идеологов, теоретиков. При любом содержании идей и теорий они не оказывают сами по себе воздействия на конкретный ход исторического развития. Они лишь отражают “мыслительный” уровень общества, что, разумеется, является его важнейшей характеристикой и показателем его интеллектуального потенциала. Но этот потенциал может быть использован в том или ином прикладном аспекте, но может остаться и невостребованным.

Идеи преобразуют практическую значимость лишь тогда, когда они становятся основой общественного движения, т.е. тогда, когда образуется определенный круг людей, которые ставят своей задачей претворить эти идеи в жизнь и для этого в определенных организационных формах (кружки, общества, партии) ведут работу по их распространению и привлечению сторонников. Это – второй уровень, или этап, идейно-общественной жизни. Успех общественного движения зависит от его размаха. Оно может быть широким и узким. Это определяется социальной масштабностью и значимостью предлагаемых для реализации идей, их привлекательностью в

плане удовлетворения определенных общественных потребностей и интересов и, наконец, ясностью поставленных задач и ожидаемых результатов. Идеи, овладевшие широкими массами людей, как известно, превращаются в материальную силу. Но при самом широком развитии общественного движения того или иного рода оно лишь выражает потребность в решении тех или иных задач, предлагает программы и методы соответствующей деятельности. В общественном движении, как и в идейной сфере, ведущую роль играют лидеры.

Наконец, особой сферой является сама практика общественных преобразований, проводимых на основе тех или иных идей и опирающаяся на те или иные социальные и общественные силы. Здесь решающая роль принадлежит правящим верхам, государству и прежде всего его верховному руководству. При этом возможности практической реализации программ преобразований, выдвигаемых теми или иными течениями общественной мысли и общественного движения, во многом зависели от того, насколько их лидерам удавалось убедить правящие сферы в необходимости проведения предлагаемых преобразований.

Учет указанных уровней, или аспектов, избавит историков от настойчивых в ряде случаев попыток решать в сущности надуманные проблемы. Так, например, истрачены горы бумаги на решение вопроса о том, почему в период подготовки реформы 1861 года А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский и другие революционеры-демократы по своим воззрениям допускали возможность отмены крепостного права путем самодержавных реформ. Отсюда бесконечные споры о соотношении у них демократизма и либерализма и т.п. Между тем все становится на свои места, если учесть, что как теоретики они были сторонниками ликвидации всех основ и проявлений крепостничества революционным путем, а как трезвые и объективно мыслящие общественные деятели они ясно видели отсутствие возможностей для решения аграрно-крестьянского вопроса в духе их теории. Значит, реально можно было только подталкивать правящие верхи и самодержавие к проведению реформы на более благоприятных для крестьян условиях. Это они и делали. И никаких противоречий и непоследовательности в их деятельности не было.

В связи с проблемами социального следует коснуться вопроса о роли классовой борьбы. Она действительно была мощной движущей силой исторического развития. Но здесь, во-первых, неправомерно сводить социальные движущие силы исторического развития лишь к классовой борьбе, под которой обычно понимается борьба эксплуатируемых против эксплуататоров. Речь должна идти о социальном протесте и социальной борьбе как движущих силах общественного развития в значительно более широком смысле. Движущей силой была не только борьба эксплуатируемых против эксплуататоров, но и всякая социальная борьба любых слоев общества, напри-

вленная на ускорение общественного прогресса. В этом плане, например, борьба нарождающегося класса буржуазии в эпоху становления капитализма против господства дворянства, феодализма и абсолютизма была не менее значимой движущей силой, чем борьба крестьян против помещиков. Хорошо известно, что последняя дала свои результаты именно потому, что развернулась первая.

Во-вторых, надо до конца преодолеть упрощение, наиболее ярко проявляющееся в освещении российской истории, состоящее в том, что классовая борьба представляется прежде всего как защитная мера. Если посмотреть учебники и учебные пособия по российской истории недавнего времени, то отчетливо прослеживается такая схема — эксплуатация крестьян усиливалась, положение их ухудшалось, а классовая борьба обострялась. И так на протяжении тысячи лет! И можно только удивляться тому, что при всем этом возникла мощная империя, были вовлечены в оборот огромные пространства, а не произошло полное крушение государства и общества.

Но самое главное состоит в том, что если классовая борьба выступает лишь как защитная мера, то она не может быть движущей силой исторического развития. А она была такой силой. И была потому, что как один из компонентов социальных усилий, направленных на удовлетворение растущих человеческих потребностей и интересов, она побуждала (или даже вынуждала) правящие верхи, и прежде всего государство, активизировать свою деятельность по ускорению и гармонизации общественно-исторического развития.

Следовательно, проблемы классовой борьбы и ее роли в историческом развитии должны рассматриваться более широко, чем это нередко делалось. Но это лишь один из аспектов, требующих более глубокого анализа при изучении социального в историческом развитии. В более широком плане это изучение требует специального рассмотрения и явлений, связанных с различными формами социального протеста и борьбой за социальную справедливость, и их воздействия на политику верхов и государства. Речь идет не просто о том, чтобы показать, кто, для кого и с каким успехом добивался справедливости. Эти проблемы достаточно широко освещаются в нашей историографии, прежде всего при изучении общественной мысли и общественного движения. Имеется в виду конкретное раскрытие сложного процесса становления и расширения социальной справедливости в истории как человечества в целом, так и в отдельных странах. Важнейшим аспектом здесь в плане учета исторического опыта является показ того, в какой мере проблемы социальной справедливости в различных ее аспектах осознавались теоретически и реализовались практически в деятельности правящих верхов и государства, и насколько это воздействовало на результаты этой деятельности. Все это позволяет значительно углубить анализ изучаемых явлений и процессов.

Приведем один пример. При подготовке крестьянской реформы 1861 г. сторонники ликвидации крепостничества во главе с Александром II при выработке программы реформы первостепенное внимание уделяли тому социальному напряжению, которое имело место в деревне и которое грозило новой “пугачевщиной”. Чтобы избежать этого, в конце 1858 г., когда был взят курс на упразднение крепостных отношений, а не просто на их смягчение, как было до этого, местным властям предписывалось объяснить крестьянам, “в чем именно будет состоять предложенное им улучшение настоящего состояния помещичьих крестьян, в отношении как личных прав, так и хозяйственного их быта”. В целом считалось необходимым вести дело так, чтобы крестьянин ощутил немедленно улучшение своего положения, помещик немедленно успокоился, а сильная власть на местах не поколебалась¹⁴.

Иначе говоря, вся деятельность по подготовке и проведению важных общественных преобразований основывалась на неременном учете характера тех отношений, которые сложились в деревне, а решение поставленных задач сочеталось с устранением противоречий, присущих этим отношениям. В итоге реформы дали существенный конструктивный результат.

Далее, в связи с общественно-социальным следует обратить внимание на необходимость выявления соотношения в нем *стихийного* и *сознательного*. Здесь прежде всего требуют уточнения сами понятия “сознательное” и “стихийное”. Представляется, что содержание этих понятий нередко трактуется обуженно, прежде всего как наличие или отсутствие политического сознания и обоснованности соответствующих потребностей и интересов, путей и методов их достижения. Заметим, например, что борьба крестьянства в эпоху феодализма расценивается как стихийная, а рабочее движение эпохи утверждения капитализма как сознательное. Абсолютизация такого подхода была причиной того, что попытки некоторых советских историков поставить и рассмотреть вопрос о соотношении стихийного и сознательного в рабочем движении в период российских революций были подвергнуты решительному осуждению.

Разумеется, стихийное и сознательное находится в определенном соотношении с политическим сознанием. Но в целом эти явления имеют более широкое содержание. Представляется, что оно может быть раскрыто примерно так. *Сознательное* – это рационально осознанные и явно выраженные потребности и интересы, цели и идеи, пути и методы их достижения. *Стихийное* – это социально-психологическое восприятие действительности и как бы самопроизвольная реакция на нее на основе обыденных и устойчивых (ментальных) представлений о жизненных ценностях и ориентирах, нор-

¹⁴ Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости. Т. I. СПб., 1861. С. 206–207.

мах поведения и т.д. Сознательное и стихийное – это две формы общественного сознания, рационально-идеологическая и ментально-психологическая.

Первая из них более динамична и формируется у различных общественных слоев и групп под воздействием различных идей и теорий, наиболее полно отражающих их потребности и интересы. Вторая – результат длительного воздействия на сознание и поведение различного рода природно-естественных, историко-культурных, этнических, религиозных и других факторов, что порождает как бы “автоматизм” в их проявлении.

В советской историографии (прежде всего по отечественной истории) акцентировалось внимание на изучении прежде всего сознательного, рационально-идеологического. Между тем социально-психологическое, ментальное оказывало огромное воздействие на позиции и деятельность всех слоев общества, и без его учета невозможно понять и правильно объяснить многие явления и процессы.

Так, хорошо известно, что в России второй половины XVIII – первой половины XIX в., когда стал широко обсуждаться вопрос о необходимости отмены крепостного права, основным возражением помещиков против этого был тот аргумент, что предоставление крестьянам свободы, освобождение их от помещичьего управления и надзора приведет к развалу всей хозяйственной и иной жизни деревни, ибо крестьяне ничего не смогут сделать без опеки со стороны помещиков. Такая позиция помещиков оценивается историками как стремление оправдать и отстоять узкосословные интересы. Да, указанная позиция была узкосословной. Но продиктована она была не просто групповыми интересами помещиков, но и имевшим ментальный характер представлением об определенной роли помещиков в жизни деревни. В действительности сотни лет эта роль была именно такой, и невозможно было вдруг отказаться от такого убеждения.

Или другой пример. Фактически превратилось в притчу знаменитое российское “авось”, которое рассматривается (даже многими историками) как наиболее яркое выражение отрицательных черт (равнодушие, необязательность, пассивность, безалаберность и т.п.) русского характера и поведения. Между тем в действительности это “авось” отражает в своеобразной форме жизненный оптимизм, терпение и стойкость, надежду на благополучный результат своей деятельности в крайне неблагоприятных для этого условиях. Теми объективными факторами, которые породили все это, были суровые природные условия для ведения сельскохозяйственного производства, главной отрасли народного хозяйства и жизнеобеспечения. Краткость сельскохозяйственного сезона обуславливала то, что сдвиг срока посева на время, когда исключалась гибель посевов и посадок от заморозков, грозила тем, что урожай мог не созреть. А более ранний посев мог погибнуть от заморозков, которые в нечер-

ноземной полосе могли возникать до середины июня. Что же оставалось делать крестьянину? Сеять и надеяться на то, что “авось обойдется!”. И так сотни лет, которые убедили его в том, что здесь ему не поможет ни бог, ни царь и никто другой.

Короче говоря, ментальность, социально-психологическое восприятие действительности и обусловленные этими мотивами деятельность и поведение – важнейшие компоненты и движущая сила исторического развития, которые требуют самого пристального внимания историков.

С проблемами сознательного и стихийного связан и большой круг вопросов о массах и их лидерах, о толпе и ее героях. Под “массой” в данном случае имеется в виду рационально действующая совокупность людей, объединенных осознанным единством их интересов и конкретных задач. Формирование таких масс – сложный и длительный процесс, который протекает под руководством идейных и политических лидеров, опирающихся на организованное общественное движение того или иного рода. Изучение таких процессов всегда привлекало большее или меньшее внимание историков. Значительно хуже обстояло дело с изучением проблем “толпы” и ее “вождей” и “героев”, несмотря на то, что это явление широко распространено в общественно-историческом развитии и нередко оказывало существенное влияние на его ход.

Толпа – это ведь не только громящие и грабящие помещичью усадьбу крестьяне или разбушевавшиеся на стадионе болельщики. Толпой может быть и собрание производственного или другого коллектива либо политический или иной митинг, когда его участники действуют стихийно. Подобные мероприятия часто бывают либо формальными, пассивными и скучными, либо, наоборот, очень острыми и даже таящими в себе непредвиденные исходы, включая экстремистские акции. В том и другом случае участники действуют стихийно, но только в первом эта стихийность является пассивной, а во втором – активной. Именно стихийность, для которой характерно интуитивно-эмоциональное поведение, отличает толпу от организованной массы, которой присущи рационалистически аргументированные формы поведения и действия.

Поведение людей в толпе имеет свои психологические особенности. Во-первых, в толпе человек утрачивает чувство личной ответственности за происходящее, что ослабляет или вовсе устраняет разумный самоконтроль за своими действиями. Человек не опасается быть либо слишком пассивным, либо чрезмерно активным. Во-вторых, в толпе индивиду не надо выбирать форму поведения или действия. Он действует “как все”. Понятно, что в таких условиях возрастает роль вожakov, “героев”. Они решают, что и как надо делать, а толпа послушно следует за ними. Имеет место явление, которое Н.К. Михайловский называл “социальным гипнотизмом”.

Новейший период мировой истории характеризуется ростом экстремизма. Для всестороннего анализа этого явления требуется пристальное внимание к проблемам толпы и героев в истории.

Говоря об общественно-социальном в человеческой деятельности и его роли как движущей силы этой деятельности, нельзя не упомянуть и об этническом как важнейшем компоненте общественно-социального. Не будем касаться бурно дебатированных вопросов о том, что такое этническое и каковы его объективные корни. Обратим лишь внимание на необходимость конкретно-исторического выявления и этих корней, и опыта разрешения этнических конфликтов. При этом важное значение имеет учет того подтверждаемого историей обстоятельства, а потому и методологического принципа, что этнические явления сами по себе не содержат ничего, что объективно могло бы порождать национальные конфликты. Последние всегда были следствием неразрешенности разного рода экономических, социальных, политических, культурных, религиозных или иных проблем. Раскрытие этого имеет важное значение для выработки конкретных методов решения современных национальных конфликтов.

Таким образом, социально-общественное – это неперменный компонент исторической действительности. Он присутствует всегда и везде. И в этом смысле его понимание является монистическим. Но этот компонент чрезвычайно сложен по своему строению и структуре. Он охватывает все сферы и виды потребностей и интересов и направленные на их достижение виды материальной и духовной деятельности, на разрешение тех противоречий, которые при этом возникают. В этом плане этот компонент поливариантен, плюралистичен.

Следовательно, неправомерно, как это сейчас нередко делается, полагать, что социально-общественный фактор и соответствующий подход может быть заменен подходом общечеловеческим. Не может, ибо это означает исключение из системы человеческих отношений одного из неперменных компонентов этих отношений. Другое дело, что при социальном подходе никоим образом нельзя сводить его суть лишь к социально-классовому и только здесь искать суть индивидуального и те противоречия, борьба за решение которых и была движущей силой исторического развития. В зависимости от конкретных исторических условий ведущую роль могли играть факторы и противоречия общественно-политические, культурно-идеологические, религиозные и другие. В выявлении и раскрытии их и показе сравнительной роли и состоит задача историка.

Теперь об общечеловеческом. Связанные с этим проблемы также многообразны, сложны и во многих своих аспектах являются крайне спорными¹⁵. При этом некоторые из возникающих здесь противоречий неразрешимы теоретически. Например, как привести к какому-либо единству тезис о безусловно первенствующей роли, абсолютном значении индивидуального с признанием реального наличия общечеловеческих потребностей, интересов и ценностей. Это – отражение тех противоречий, которые существуют между ними в реальной действительности, и индивидуальное не может всецело гармонизировать с общечеловеческим, ни последнее быть сведенным к индивидуальному. Кроме того, ни индивидуальное, ни общечеловеческое не существуют как нечто раз данное и неизменное. И то и другое исторически (т.е. в социальном времени и пространстве) конкретны, во-первых, и воспринимаются и соотносятся не только непосредственно, но и через социальное, во-вторых. Ведь например, представления о самоценности и свободе личности как высших проявлениях общечеловеческого неодинаковы у разных социальных слоев и групп.

Поскольку и индивидуальное, и социальное, и общечеловеческое являются неперенными чертами общественно-исторического развития, постольку неизбежные противоречия между ними относятся к глубинным источникам этого развития. От характера их корреляции прежде всего зависит возможность гармоничного удовлетворения растущих потребностей человечества как целого, а не как потребностей отдельных стран, народов или социальных слоев и групп.

Рост гармонии в удовлетворении человеческих потребностей несомненно является важнейшим показателем степени общественного прогресса. Он ведет к формированию объективных общечеловеческих ценностей, которые являются ориентиром этого прогресса. В изучении этого многогранного процесса и состоит задача историков. Здесь прежде всего необходимо конкретно проследить, как складывалось в истории реальное единство человечества в его материальной и духовной деятельности и как рост этого единства сказывался на общем ходе и конкретных аспектах истории отдельных стран и народов.

При этом предстоит не просто выявить те аспекты, по которым складывалось это единство, но и конкретно показать его реальное воздействие на ход исторического развития. Как, например, сказалось осознание самоценности личности на духовном развитии обще-

¹⁵ См., например: Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990; Степин В.С., Гусейнов А.А., Межуев В.М., Толстых В.И. От классовых приоритетов к общечеловеческим ценностям // Квинтэссенция. Философский альманах. 1991. М., 1992, и др.

ства. Или как признание верховной ценностью индивидуальной свободы и фактическое ее обретение массами людей воздействовало на ход производственно-экономической деятельности. Ведь именно тот реальный факт, что наличие такой свободы содействовало или порой даже обуславливало мощный взлет экономического развития в эпоху становления и развития индустриального общества, до сих пор служит основанием для отмеченной выше абсолютизации роли индивидуального в истории.

Более глубокого освещения и новых подходов в трактовке требуют и многие другие явления и процессы.

Давно и хорошо известна та неравномерность, которая присуща историческому развитию отдельных народов, стран и их внутренних регионов и целых континентов. Результатом является разный уровень этого развития как в целом, так и применительно к его отдельным аспектам. Отсюда идет давно утвердившееся в исторической (и вообще обществоведческой) науке деление отдельных народов и стран на “передовые” и “отсталые”, “развитые” и “развивающиеся”, на вычленение разных этапов и типов развития (например, “догоняющий” тип) и т.п.

Думается, что в плане общечеловеческого подхода к истории такие трактовки являются во многом очень сомнительными и даже неправомерными. Они чреваты опасностью приписывания результатов общечеловеческого прогресса усилиям (или вкладу) если не отдельных стран или народов, то их группам. Но такого никогда не было в истории. Вся история человечества – это растущее общение, взаимосвязь и взаимовлияние народов и стран. В истории издавна складывалось как бы разделение исторических функций народов и стран, определяемое конкретными условиями их бытия (геополитическое положение и окружение, природные условия, традиции и влияния и т.д.).

Ведь несомненно, что древняя и средневековая Русь ограждала Западную Европу от вторжения с Востока, создавая тем самым дорогой ценой собственных потерь и разорения благоприятные условия для ее прогресса. Естественно, что это (не говоря уже о разных природных условиях) замедляло ход исторического прогресса России. Но как оценивать это явление? Если сопоставлять различные параметры развития России и Запада, то ответ будет тот, что Россия отстала от Запада к Петровской эпохе примерно на 200 лет. Но если учесть, что Россия внесла немалый исторический вклад в создание благоприятных условий для развития Запада, то едва ли правомерно противопоставлять Россию и Запад и относить Россию к разряду отсталых стран, а западные – к передовым. На это обратил внимание еще С.М. Соловьев. Как сторонник единого органического исторического развития (при котором имеет место поступательное движение всех народов к единой цели через одни и те же основные этапы и под воздействием одних и тех же ведущих движущих

сил), он утверждал, что Россия не отстала, а лишь задержалась в своем развитии сравнительно с Западом.

Или другой пример, связанный с новейшей историей. Бурное индустриальное развитие в XIX–XX вв. сопровождалось ростом его неравномерности. В итоге к концу текущего века выделилась небольшая группа стран, в которых сосредоточено менее десяти процентов общей численности населения Земного шара, но производится примерно две трети продукции. Естественно, что в этих странах жизненный уровень населения во много крат выше, чем в остальном мире. Сравнивая эти уровни и представляя наиболее развитые страны как общечеловеческий эталон потребительского общества, чаще всего забывают указать на то, что достигнутый здесь прогресс является результатом в сущности общечеловеческих усилий (или, в всяком случае, усилий многих и многих народов и стран). Ведь те почти три четверти добываемых на Земном шаре и потребляемых этими странами ресурсов произведены с широким, а нередко и определяющим, участием других стран. Иное дело, что эти страны не получали эквивалентной их усилиям компенсации или доли из достигнутых результатов.

Следовательно, общечеловеческий подход к историческому развитию требует четкого разграничения того уровня общеисторического (общецивилизационного) развития, который был присущ той или иной стране или народу на определенном рубеже этого развития, и того вклада, который вносили страны и народы в общечеловеческий прогресс или его конкретные сферы. Такого разграничения часто не делается.

Следствием этого является нередкая недооценка вклада в этот прогресс не только малых по численности народов, но и огромных наций и даже континентов, уровень развития которых по тем или иным компонентам ниже стран, относимых к высокоразвитым. Более того, многое из того, что было несомненным и непреходящим вкладом в общечеловеческое развитие, рассматривается как изжившие себя традиции и пережитки. Едва ли, например, высокоразвитое на Востоке почтение к предкам и уважение к опыту и мудрости старших поколений или бережное отношение к природе и опыт адаптации к экстремальным жизненным условиям народов Севера можно считать утратившим свою общечеловеческую ценность.

Из отмеченного очевидны два вывода. Во-первых, неправомерно историю какой-либо страны или народа выносить за рамки общецивилизационного процесса и, решая задачи их текущего развития, говорить о необходимости их включения в это развитие. Это выглядит особенно нелепо применительно к России, всегда занимавшей видное место в общечеловеческой истории. Во-вторых, нет никаких исторических оснований характер и уровень развития какой-либо группы стран представлять как образец, на который должны ориентироваться другие страны, ибо любой тип общественно-исто-

рического развития в общечеловеческом плане относителен и исторически изменчив. Не являются таким образом и современные страны высокоразвитого капитализма. К тому же, как теперь стало очевидно, существующий в них уровень развития недостижим в общечеловеческом масштабе, ибо на данной стадии цивилизации для этого не хватает природных ресурсов Земного шара.

Таким образом, общечеловеческий подход позволяет более широко и глубоко рассмотреть многие аспекты общественно-исторического развития. Понятно, что это требует выработки как общих принципов, так и конкретных методов и критериев такого подхода. Представляется, что основным здесь может быть вписывание конкретных исторических событий, явлений и процессов в общую картину мира, соотнесение их с общечеловеческими ценностями.

Так, между историками давно идут споры о сущности просвещенного абсолютизма в России второй половины XVIII – начала XIX в. Одни, сопоставляя его с идеологией просветительства, выражавшего интересы зарождавшейся буржуазии в борьбе с феодальной системой и господством дворянства, рассматривают его как идейное прикрытие сохранения крепостничества и абсолютизма, защиты узкосословных интересов дворянства. Отсюда и соответствующие негативные оценки сущности просвещенного абсолютизма. Другие усматривают в просвещенном абсолютизме определенные конструктивные моменты в эволюции самодержавия, содействовавшие развитию образования и культуры.

Прямое “противостояние” двух указанных подходов не дает решения проблемы. Здесь требуется не их противопоставление, а синтез социального и общечеловеческого взгляда на явление. Очевидно, что в общечеловеческом плане даже простое признание “верхами” необходимости просвещенного (или, как бы сказали сейчас, профессионально компетентного) управления обществом (не говоря уже о его внедрении и тем более о практической поддержке развития образования и культуры) является прогрессивным. Поэтому просвещенный абсолютизм не может рассматриваться лишь со знаком “минус”. Однако его нельзя и идеализировать, как это также делается. Будучи в целом конструктивным вкладом в общечеловеческий процесс, этот вклад был социально ограниченным. Он имел ярко выраженную сословно-дворянскую ориентацию.

В целом суть всего отмеченного об индивидуальном, социальном и общечеловеческом в общественно-историческом развитии и соответствующих подходах в изучении этого развития сводится к вообще хорошо известным, но еще слабореализуемым историками двум моментам. Во-первых, индивидуальное, социальное и общечеловеческое в истории должны рассматриваться в их органической и тесной взаимосвязи. Во-вторых, соответствующие подходы к их изучению должны не противопоставляться или заменяться один другим, а взаимодополняться и быть комплексными.

Таковы некоторые замечания о сущности и особенностях общественно-исторического развития и необходимости обновления подходов к его изучению. Практически задачи историков сводятся к хорошо известному, но еще крайне недостаточно реализуемому системному рассмотрению как этого развития в целом, так и отдельных его компонентов. Такое рассмотрение, получившее в начале второй половины XX в. широкое распространение, как известно, требует при исследовании любой системы выявления ее строения, т.е. составляющих ее компонентов всех уровней, анализа ее структуры (взаимосвязей компонентов системы и присущих им черт и свойств), учета функций как системы в целом, так и отдельных ее компонентов, а также тех внешних условий, в которых формируется и развивается система.

Понятно, что реализация указанных принципов в практике исторических исследований требует конкретных теоретико-методологических разработок. В привлечении внимания к настоящей необходимости такой разработки и состоит основная цель настоящих заметок.